

НАША СПРАВКА

УДК 327[94(41/99)]"1772"

Польское Королевство в 1773 г.
Фрагмент гравюры Дж. Нильсона.

Три монарха указывают на карте Польши часть страны, на которую они претендуют, дипломат Панин – на ангела, предвещающего волю монархов

Первый раздел Польши в фокусе геополитического анализа

«Польский вопрос» всегда был не только актуальным, но и весьма острым, резко политизировавшимся в отдельные исторические периоды. Начало очередного витка обострения «польского вопроса» приходится на XX в., чему способствовали и советско-польская война 1920–1921 гг., и активное участие польских властей в «умиротворении» Гитлера, и трагические события августа–сентября 1939 г., и острая борьба вокруг западных границ Польши в послевоенный период, и Катыньский расстрел. С распадом «второго» (социалистического) мира вплоть до авиакатастрофы польского пассажирского самолета под Смоленском 10 апреля 2010 г. и по сей день напряженность российско-польских отношений опасно сохраняется. Создается ощущение, что процессы, запущенные разделом Польши в последней четверти XVIII в., не только существенным образом повлияли на систему международных отношений Нового времени, но и все еще не завершены.

В восемнадцатом же веке Польша оказалась «незаживающей раной» на теле Российской империи на западе – на востоке такой «раной» была Турция, однако понимание коллизий, возникших тогда вокруг Речи Посполитой, оказывается невозможным вне представлений о едином историческом процессе, в ходе которого складывалась европейская геополитическая архитектура и определялось содержание российской внешней политики. Напомним, что в 60-е гг. XVIII в. главным противником России на международной арене была Франция, правительство которой придерживалось традиционной не только (а первоначально и не столько) антироссийской, но и антиавстрийской линии укрепления так называемого «Восточного барьера», в состав которого входили граничащие с Россией государства – Швеция, Речь Посполитая и Османская империя¹. К рассматриваемому моменту французская дипломатия дважды использовала свое влияние, чтобы подтолкнуть Швецию и Турцию к войне с Российской империей, однако главной несущей конструкцией «Восточного барьера» была Польша², благодаря которой в пространстве между 15-м и 30-м меридианами, на границе между Западной и Восточной Европой, образовывался «коридор нестабильности», в равной мере опасный для трех империй – Габсбургов, Священной Римской и Российской. Тем самым Польша переставала быть исключительно местом столкновения несовпадающих интересов

¹ Усиление Франции и ее союзницы Швеции после победы над Габсбургами в ходе Тридцатилетней войны стало причиной едва ли не первого кризиса Вестфальской системы: французская экспансия оказалась несовместимой с рамками вестфальского пространства, что негативно отразилось в первую очередь на устойчивости «Восточного барьера» – традиционной опоры Франции в ее стремлении изолировать Габсбургов. Результатом этого стали войны между самими членами «барьера». В определенном смысле можно говорить, что именно Швеция, с середины XVII в. сосредоточившая свои усилия на установление контроля над Балтийским бассейном, начала череду разделов Речи Посполитой, заключив с ней Оливский мир (1660) и получив по нему Эстонию и Ливонию.

² После смерти в 1572 г. Сигизмунда II Августа, последнего представителя династии Ягеллонов, Речь Посполитая оказалась предметом соперничества Габсбургов и Валуа. Тогда же, с избранием на польский престол Генриха Анжуйского (будущего короля Франции Генриха III), начал складываться антироссийский польско-французский альянс. В частности, в соответствии с Racta conventa («всеобщим соглашением» – принятой сеймом 1573 г. избирательной капитуляцией, заключаемой между шляхтой Королевства Польского и Великого княжества Литовского, с одной стороны, и новоизбранным монархом, с другой), Генрих обязывался, в числе прочего, выставить несколько тысяч солдат пехоты против Ивана Грозного, послать французский флот на Балтику, обеспечить получение польской молодежью образования в Париже.

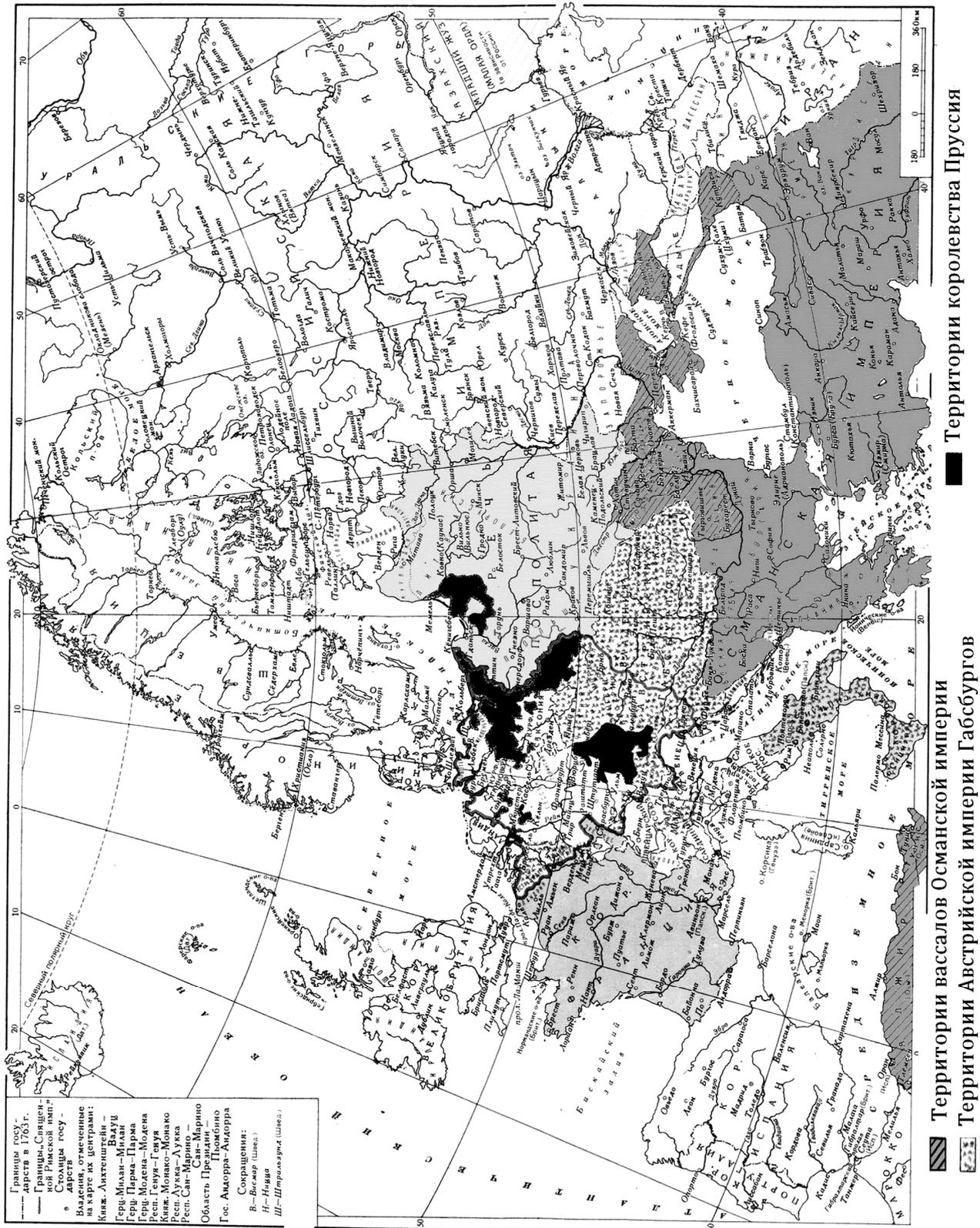

Рис. 1. Государства Европы в середине XVIII в.

Франции и Османской империи и становилась объектом повышенного внимания Австрии, России и Пруссии, имеющих свои владения в упомянутом пространстве (рис. 1) и вынужденных искать «слабое звено» в геополитической конструкции региона.

Таким «слабым звеном» оказалась все та же Польша. Выборность короля – логический итог реализации принципа «короны королевства» – сделала вопросы внутреннего устройства Речи Посполитой ареной борьбы европейских держав за установление своего влияния в регионе, а демократический принцип «либерум вето»¹ являлся не только основанием парламентского устройства Польши, но и причиной охватившего ее политического хаоса.

Поводом же для обострения обстановки в регионе стала борьба за польское наследство (1733–1738) после смерти польского короля Августа II в 1733 г. Претендентами на престол выступили сын умершего короля саксонский курфюрст Фридрих Август и Станислав Лещинский, уже побывавший на польском троне. Лещинского, женатого на дочери Людовика XV Марии, поддерживала Франция: королевский статус Людовика и его амбиции требовали королевского достоинства и для дочери. Со своей стороны, Фридрих Август искал поддержки Австрии как давней соперницы Франции. Он признал Прагматическую санкцию Карла VI и отказался от претензий на австрийское наследство. В стремлении заручиться поддержкой России Фридрих Август обещал передать Курляндию в ленное владение фавориту русской императрицы Анны Иоанновны Э.И. Бирону, права которого на курляндское герцогство никем не были отменены.

Усилиями французской дипломатии и подкупом шляхты Станислав Лещинский был избран на польский престол. Однако трон, обошедшийся Людовику XV в 3 млн. ливров², его зять занимал лишь три недели. В конце ноября 1733 г. русские войска вошли в пределы Речи Посполитой, и под их контролем был избран новый король Фридрих Август, коронованный под именем Фридриха III.

В ответ Франция объявила войну Австрии, а к войне с Россией пыталась склонить Швецию и Турцию, однако на сей раз неудачно. Французский флот, направленный к Данцигу, потерпел поражение от русского флота, а высаженный десант был пленен русскими. Ввиду военных неудач Людовик XV склонил Лещинского к отказу от польской короны (Прелиминарный мирный договор). Пятилетние военные столкновения, участие в которых также приняли Испания и Сардиния, завершились подписанием Венского договора 1738 г. между Австрией и Францией, к которому присоединились Россия, Речь Посполитая и др. государства.

Договор решал проблему польского престола и перераспределял некоторые европейские владения. Австрия уступала Франции ряд территорий в Италии и Германии, отказывалась от королевства обеих Сицилий, полученных по Утрехтскому миру в пользу младшей линии испанских Бурбонов, и передавала Сардинии часть Миланского герцогства. Франция гарантировала Прагматическую санкцию и признавала Августа III польским королем. Станислав Лещинский получил пожизненный статус короля, ему во владение передавались Лотарингия и графство Бар, которые после его смерти должны были перейти к Франции. Герцог Лотарингский в качестве компенсации получал в Италии Парму, Пьяченцо и Тоскану. Это было первое и вполне удачное, хотя и опосредованное, участие России в решении вопросов западноевропейской международной политики.

Здесь следует заметить, что, по-видимому, вхождение России в «большую европейскую политику» состоялось отнюдь не при Иване Грозном и даже не при Алексее Михайловиче Романове, а в период Смуты. Именно тогда, оказавшись на периферии общеевропейского религиозно-политического конфликта, в 1618 г. вылившегося в Тридцатилетнюю войну, Россия из *объекта* территориальных притязаний европейских монархов превратилась в весомый *фактор* европейской геополитики, *субъектом* которой ей предстояло стать усилиями Петра I. Тогда же, в Смутное время, наметился и контур тех русско-польско-шведско-османских отношений, которые послужат основанием для проекта «Восточного барьера», а с петровских времен – и контуры участия России в качестве «третьей силы» в военно-дипломатических коллизиях двух таких «грандов» европейской геополитики, как Франция и Англия (характерно, что первым европейским городом, посещенным Петром I, был Ганновер, ставший с середины XVII в. наследственным английским владением на континенте).

Заметное ослабление Австрии стало причиной возникновения новых военных конфликтов, в которых одновременно решались проблемы австро-прусского соперничества и острого противоборства Англии и Франции за торговое преобладание и колониальное господство. Узел австро-прусских противоречий стал основой для формирования враждующих коалиций европейских государств для поддержания баланса сил на континенте и удовлетворения собственных территориальных притязаний, превращая Германию в естественное поле борьбы, а Пруссию – в ее инициатора. При этом сам заложенный Вестфальской системой принцип равновесия сил в Европе изначально обуславливал невозможность радикального и однозначного решения в пользу одной из противоборствующих сторон. Названные обстоятельства делали коалиции непрочными, позицию участников – непоследовательной, а военные действия – затяжными.

В этих условиях Польша, переживающая глубочайший кризис государственно-политической системы и фактически утратившая возможность внутриполитического управления, не могла противостоять геополитическому давлению европейских монархий, заинтересованных в доминировании на территории государства, занимавшего расстояние от Балтийского моря до Османской империи и являвшегося естественным рубежом За-

¹ Принцип «свободного вето» (лат. liberum veto) позволял любому депутату сейма прекратить обсуждение вопроса в сейме и работу сейма вообще, выступив против. Истоками данного принципа являются: 1) традиции единодушного принятия решений в сейме, где каждый шляхтич представлял свою область, был избран местным сеймиком и нес перед ним ответственность за все решения сейма, 2) федеративный характер самого польско-литовского государства. Решение, принятое большинством против желания меньшинства (даже если это был только один сеймик) считали нарушением принципа политического равенства. Для обоснования указанного принципа ссылались также на закон *Nihil novi* (так называемая Радомская конституция), запрещавший королям принимать новые законы без согласия шляхты. *Liberum veto* было упразднено 3 мая 1791 г.; принятая конфедеративным Четырехлетним сеймом Конституция установила принцип большинства.

² См.: Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России (1648–2000). Учебник для вузов / Под ред. А.С. Протопопова. М.: Аспект Пресс, 2001. С. 40.

падной и Восточной Европы. В то же время ни одна из главных заинтересованных сторон – ни Австрийская империя, имеющая опыт весьма успешной антитурецкой политики, но ослабленная неудачами Силезских войн, ни Пруссия, мечтающая об «округлении» своих границ, т.е. приобретении территорий, отделяющих Бранденбургский дом от его разбросанных по Европе владений, а заодно и о ликвидации препятствующего этому статуса вассала Речи Посполитой, – не могли обойтись в достижении своих геополитических целей в регионе без участия России. Последняя же, будучи вовлечена в «большую европейскую политику», оказывалась вынужденной играть по новым для себя «общевропейским» – вестфальским – правилам. «Переворачивание коалиций» – измена союзническим и вассальным (в случае прусско-польских отношений) обязательствам, частая радикальная смена внешнеполитического курса – характерная примета формирования европейских империй и национальных государств в XVII–XVIII вв. Не избежала этого пути и Россия – и в Смутное время (русско-шведская коалиция), и, особенно, в ходе Семилетней войны 1756–1763 гг., результаты которой¹ оказали существеннейшее влияние на будущее «польского вопроса» и в целом «европейского дома».

Так, крупные победы России при Гросс-Егерсдорфе и Кунесдорфе заметно усилили ее влияние в польских землях и даже в Священной Римской империи: русские войска заняли Восточную Пруссию и Померанию, а затем вступили в Берлин. Победоносная война, казалось, обеспечивала Австрии и её союзнице России (союзнице еще со времен войны за Австрийское наследство) и возможность оставить за собой Силезию и Пруссию (и соответствовала интересам Англии, гарантируя безопасность Ганновера). Фридрих II готовился отречься от престола. Однако ситуация резко изменилась со смертью императрицы Елизаветы Петровны в 1762 г. Её преемник Петр III, восторженный почитатель Фридриха II, отказался от каких бы то ни было притязаний в отношении Пруссии² (Россия не только добровольно отказывалась от всех своих приобретений в войне – Восточной Пруссии с Кенигсбергом, жители которой, в том числе Иммануил Кант, уже присягнули на верность русской короне, – но и предоставила Фридриху корпус под началом графа З.Г. Чернышева для войны против своих недавних союзников австрийцев). Коалиция распалась. Заняв русский трон, Екатерина II расторгла союзный договор с Пруссией и отозвала корпус Чернышева, но подтвердила заключенный свергнутым супругом мир, не рискуя участвовать в большой войне, едва взойдя на престол и не утвердившись в качестве легитимного правителя (к тому же после потери Россией всех преимуществ, достигнутых в начале Семилетней войны, упрочение позиций Гогенцоллернов приходилось принимать как свершившийся факт, что предполагало поиск консенсуса с сильным соседом; в этом смысле Семилетняя война спустя почти 350 лет после Грюнвальда и двести с небольшим лет после преобразования Тевтонского ордена в Прусское герцогство – вассала Речи Посполитой – явилась предвестником «смещения геополитического равновесия» в отношениях между этими традиционными антагонистами).

Таким образом, Австрия лишилась российской поддержки, а Англия – гарантий безопасности Ганновера. В то же время складывавшиеся у Российской империи весьма позитивные отношения с Пруссией и «сбалансированные» – с Францией, казалось бы, способствовали установлению определенного равновесия сил в Европе и делали возможным исключение здесь больших войн. Однако по окончании Семилетней войны даже в условиях «вынужденного союзничества» (в «восточном вопросе») трех держав стали очевидными вызревание новых неразрешимых противоречий в их внешнеполитических целях – а также тот факт, что во избежание очередной войны для временного снятия этих противоречий потребуются принесение в жертву наиболее слабого элемента европейской геополитической конструкции.

Понимание такого выбора в качестве способа снятия противоречий невозможно без учета господствовавшей международно-правовой парадигмы – Вестфальской системы, в рамках которой – за три века до оформления теорий социального действия М. Вебера и политического реализма Г. Моргентау – был осуществлен переход к доминированию в политической сфере целерациональных действий и государственного интереса.

Ситуация, в которой формировались государственные интересы Австрии, Пруссии и России, осложнялась тем, что в начале 1760-х гг. внимание политических кругов Европы вновь оказалось прикованным к Польше, теперь уже в связи с ожиданием кончины престарелого короля Августа III. К предстоящей борьбе за польский трон готовились Франция, Австрия, Пруссия и Османская империя. Петербург, заинтересованный в русском влиянии в регионе, также принимал активное участие в этом противоборстве, и в 1764 г. королем был избран ставленник России Станислав Понятовский, давний фаворит Екатерины II. Рассуждения императрицы здесь были вполне прагматичны: «...из всех претендентов на корону он имеет наименее средств получить ее, следовательно, наиболее будет обязан тем, из рук которых он ее получит»³. В свою очередь, предлагая Польше короля из династии Пястов, Екатерина выбивала козырь из рук ультранационалистически настроенной шляхты. Показателем доминирующего русского влияния в регионе было и относительно быстрое установление зависимости Курляндии от Российской империи: Екатерина II передала Курляндию в ленное владение вновь извлеченному из забвения Бирону с его так и не утратившими своей силы, хотя и позабытыми правами. Сын польского короля Августа Карл, занимавший стол герцога Курляндского, был вынужден покинуть Митаву.

Выдвижение и утверждение в качестве польского короля из рода Пястов в противовес саксонской династией Веттинггов, на сохранении власти которых настаивала Австрия, сближало Россию с Пруссией, что послужило платформой договоренностей России и Пруссии, положенных впоследствии в основу совместного раздела Речи Посполитой. После избрания Понятовского русско-прусское сближение оформилось в заключенном 31 марта 1765 г. во-

¹ Во время Семилетней войны Речь Посполитая сохраняла нейтралитет, проявляя сочувствие к союзу Франции, Австрии и России и пропуская российские войска через свою территорию к границе с Пруссией. Фридрих II принял ответные меры, которыми стало изготовление значительного количества фальшивых польских денег, что существенно подорвало и без того ослабленную экономику Речи Посполитой.

² Примечательно, что в Пруссии смена политического курса России получило название «второго чуда Бранденбургского дома» («первым чудом» считалось спасение прусского короля Фридриха II в битве при Кунесдорфе).

³ Цит. по: История России с начала XVIII до конца XIX века / Л.В. Милов, П.Н. Зырянов, А.Н. Боханов; отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1996. С. 245.

енном союзе, оговаривавшем в случае войны помощь одной из сторон либо деньгами, либо войсками. Заключение этого соглашения было крупным успехом реального руководителя внешней политики России Н. Панина на пути подготовки проекта под названием «Северный аккорд», призванного противостоять складывающемуся франко-испано-австрийскому блоку. По замыслу Панина, в «Северный аккорд» должны были войти Дания, Англия, Швеция и Речь Посполитая. Последняя рассматривалась как будущий союзник. Однако реализовать эту идею Панину не удалось: ни Фридрих II, ни Екатерина II не были заинтересованы в сильной Польше. Екатерину вполне устраивала «счастливая анархия», в которую была погружена Речь Посполитая и которая позволяла императрице распоряжаться польскими делами «по своей воле»¹; Фридриха же сохранение в Польше «республики» устраивало как мотив раздела ее территории, что с заключением союза с Россией становилось вполне реальным, при этом Фридрих выступал категорически против самой «Северной системы», заявляя, что нуждается «только в русском союзе» и не желает других, явно опасаясь помех на пути реализации своих польских проектов. Что же касается Англии, то результатом длительных переговоров с ней стал лишь торговый договор. Надежды на Швецию были тем более слабыми – состояние ее государственной системы не позволяла воспринимать Стокгольм как серьезного союзника.

Вскоре после прихода к власти Понятовского резко обострились межконфессиональные противоречия между католиками и так называемыми «диссидентами» (православными и протестантами). Напряженность здесь существовала и ранее: уже в 1717 г. было запрещено совершение публичных богослужений, строительство новых и ремонт ветхих православных храмов, в 1736 г. король издал универсал, согласно которому для рукоположения православного священника требовалось разрешение короля. Однако во второй половине XVIII в. противоречие между поликонфессиональным составом Речи Посполитой и ее курсом на насильственную католизацию населения и дискриминацию по этноконфессиональному признаку явилось дополнительным фактором политической нестабильности и геополитической уязвимости Польши, повышая ставки в конкурентной борьбе за влияние здесь европейских держав, заинтересованных в поддержке различных конфессий.

В Петербург, к императорскому двору и в Синод русской православной церкви из Речи Посполитой поступали многочисленные жалобы и просьбы о заступничестве. О нем же в 1762 г. просил императрицу епископ Могилевский Георгий (Конисский) в своей речи на коронации Екатерины II. Русское правительство вмешалось в конфликт, традиционно выступив в защиту диссидентов и выставив не только требование веротерпимости, но и уравнивания диссидентов в гражданских правах. Последнее встретило категорическое неприятие великопольских кругов. Тяжелая дипломатическая борьба по диссидентскому вопросу шла с переменным успехом, осложняя и без того затруднительное положение короля: полностью обязанный русской императрице своим воцарением и постоянно получавший от нее денежные субсидии, Понятовский был бессилён повлиять на сейм в вопросе о диссидентах. Не получая правительственной поддержки, вожди диссидентов образовали в марте 1767 г. конфедерации – одну в Торне, другую в Слуцке, сумев привлечь на свою сторону бывшего литовского гетмана Карола Радзивилла, усилиями которого появилась католическая конференция в Радоме.

Осенью 1767 г. накануне чрезвычайного сейма русские войска подошли к Варшаве, однако сейм провести не удалось – его перенесли на февраль 1768 г. Запуганный сейм решил диссидентский вопрос: католическая вера объявлялась господствующей, король и королева могли быть только из римских католиков, но диссиденты были уравнены во всех остальных правах. Сейм объявил их правоспособными, разрешив занимать все посты, вплоть до министерских и сенаторских, а также иметь свои церкви, школы, консистории, кладбища, госпитали, печатать богослужебные книги, разрешались браки католиков и диссидентов и т.д., что явилось исторически прогрессивным актом. Однако недовольная решением сейма польская шляхта образовала в 1768 г. конфедерацию в г. Баре («Барская конфедерация») и начала военные действия против находившихся в Речи Посполитой русских войск. В Польше воцарилась анархия. 27 марта 1768 г. Сенат просил Екатерину II обратиться к русским войскам, находившимся в Польше, на подавление мятежников. После подавления очагов восстания в Люблине и Гнезне конфедераты двинулись на юг, в Подолию, к турецким границам. По словам вождей конфедератов, надеявшихся на помощь Турции, кроме Бога Польша может получить помощь только от Порты. Однако русские войска взяли Бердичев, Бар, штурмом выбили мятежников из Кракова, окончательно подавив восстание, участники которого были сосланы в Сибирь.

Австрия и Пруссия, ревниво наблюдавшие за утверждением российского влияния в Польше, потребовали допустить их к равному участию о внутривнутриполитических делах Речи Посполитой, а подталкиваемая Францией Османская империя – вывести из Польши русские войска и отказаться от покровительства диссидентам. В 1768 г. Турция объявила войну России, однако ко второй половине XVIII в. бывшее могущество Порты было утрачено, а экономика оказалась слабее, чем у России, обладавшей к тому же сильной сухопутной армией, мощным военно-морским флотом, возглавляемыми талантливыми военачальниками. Это позволяло Российской империи добиваться побед над превосходящим по численности противником на суше и на море, но никак не влияло на агрессивные планы Порты, в частности, на ее виды на Подолию, тем более, что за спиной Константинополя стояла не только Франция, соглашавшаяся продать Порте свои корабли для восстановления флота, утраченного в Чесменском сражении, но и Австрия, у которой были свои резоны для открытой поддержки Османской империи: Вена сама претендовала на часть Дунайских княжеств, находившихся в руках русских войск, и с опаской следила за успехами русского оружия в русско-турецкой войне. По союзному договору, заключенному с султанским двором, Австрия обязывалась любыми средствами, в том числе военными, добиваться возвращения Порте всех территорий, занятых русскими. Двусмысленную позицию занимала Пруссия: будучи формально союзником России, она закулисно создавала трудности для русской дипломатии. Не вызывали энтузиазма русские победы и в Лондоне, однако английское правительство, заинтересованное в сохранении торговых отношений с Россией, ограничилось отзывом своих офицеров из русского флота.

Тем не менее, в течение первых трех лет османским войскам не удалось одержать ни одной победы, они оставили Хотин, Яссы, Бухарест, Измаил и другие крепости на Дунайском театре военных действий. Два из многих поражений османов были особо сокрушительными – в Средиземном море под Чесмой, где все неприят-

¹ Там же. С. 246.

тельские корабли, кроме одного, были сожжены, и в сражении при Кагуле. Становилось очевидным, что цель, ради которой Порта начала войну, не только не будет достигнута, но Османской империи предстоят территориальные потери. Однако мирная инициатива, с которой выступила Россия, не получила поддержки у турецкого правительства: тайно и явно поддерживаемый европейскими державами, вдохновленный предложением конфедератов о договоре, по которому Турция получила Киевскую область в уплату за свою поддержку Конфедерации в ее войне с Россией, султан упорно отвергал переговоры.

В 1771 г. после взятия русскими войсками Перекопа и объявления татарскими вельможами «вечной дружбы» с Россией, последняя выдвинула свои условия Турции: 1) независимость Крыма, 2) свобода плавания русских судов по Черному морю, 3) независимость Валахии и Молдавии, 4) передача Российской империи одного из островов в Эгейском море. Пруссия соглашалась на независимость Крыма, но настаивала на возвращении Турции Валахии и Молдавии, обещая России большую долю польской территории в виде компенсации. Вену ни один из этих вариантов принципиально не устраивал, и она сформулировала другие условия, по которым России отходил Азов с округом, Большая и Малая Кабарда, объявлялась свобода плавания по Черному морю, в дополнение к чему Петербург получал денежную компенсацию за военные потери. За реализацию этого Австрия должна была по проекту конвенции Тугута¹ получить от Турции 34 млн. гульденов и Малую Валахию². Данная конвенция – австро-турецкое соглашение об оказании Австрией помощи Турции против России, заключенное 6 июля 1771 г. в Константинополе – характерный образец тайной европейской дипломатии. Согласно конвенции, Австрия обязалась любыми средствами, дипломатическими или военными, добиваться возвращения Турции всех крепостей и земель, занятых русскими войсками с начала войны, выговорить для Турции выгодные условия мира по образцу Белградского мирного договора 1739 г. и ослабить русское влияние в Польше. За эти услуги Турция соглашалась помимо указанного денежного и территориального вознаграждения предоставить Австрии дополнительные льготы в виде освобождения австрийской торговли от всех налогов и сборов и гарантий от нападений североафриканских корсаров для австрийских судов³. В виде аванса турки по подписании конвенции уплатили Австрии 3 млн. пиастров.

Таким образом, успешное завершение русско-турецкой войны становилось для России возможным только после нейтрализации открытого (со стороны Австрии) и скрытого (со стороны Пруссии) противодействия русскому продвижению в Причерноморье путем территориальный «компенсаций» Вене и Берлину за счет Польши: оказавшиеся активными архитекторами европейской политики, Австрия и Пруссия объединяли «восточный вопрос» с «польским», понимая под таковым именно и только раздел Речи Посполитой в условиях, когда выборы ее короля переставали быть надежным инструментом контроля над этим ключевым европейским регионом. При этом де-факто раздел Веней и Берлином Речи Посполитой уже начался: еще в 1770 г. Австрия захватила польские области Ципсе, Новиторга, Чорыстани, Велички и Бохни – с одобрения Гогенцоллернов, что объективно способствовало австро-прусскому сближению. К тому же отказаться от поддержки Турции Австрию могло побудить лишь согласие России на раздел Польши⁴. В сложившейся ситуации хотя Екатерина II и предпочитала иметь целостную Речь Посполитую, находившуюся полностью в сфере русского влияния⁵, Россия не могла противодействовать осуществлению этого австро-прусского проекта, и вынуждена было лишь искать оптимальные пути сбалансированной реализации собственных интересов в предстоящем разделе.

Интересы же эти были прежде всего связаны с воссоединением древнерусских земель, в пределах которых за период их отторжения начали складываться народы Белоруссии и Украины. Активная внешняя политика, проводившаяся Петербургом в этом направлении, помимо моральных и религиозных резонансов была обусловлена потребностью в создании мощной ресурсной базы для окончательной ликвидации угрозы южным рубежам Империи. В числе претензий, накопившихся у России к Польше и определивших позицию Петербурга по «польскому вопросу», следует упомянуть и неурегулированность русско-польской границы (в отсутствие укреплений на части территории Правобережной Украины поляки населили 10 городов, относившихся к спорным по договору 1686 г.), и то, что Речь Посполитая оставалась единственным европейским государством, не признавшим за российскими государями императорского титула, и удержание поляками беглых крепостных и дезертиров. Однако главным стимулом раздела Польши, безусловно, являлся «диссидентский вопрос», и чем более жесткой здесь становилась позиция Речи Посполитой, тем активнее Петербург склонялся к ее разделу, тем более, что в отношении «диссидентов» русские интересы находили поддержку Пруссии.

¹ Барон Иоанн Амадей-Франц де Паула фон Тугут (1736–1818) – австрийский политический деятель, австрийский посланник в Константинополе, впоследствии 5-й канцлер Австрийской империи Габсбургов.

² См.: История России с начала XVIII до конца XIX века... С. 254.

³ См.: Тугута Конвенция 1771 // Дипломатический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.libsearch.ru/blog/t/2.html>

⁴ Получив это согласие, Австрия дезавуировала свои союзнические договоры с Портой, и уже в 1772 г. Тугут заявил турецкой стороне, что военное вмешательство Австрии в русско-турецкую войну исключено и что вследствие «дурного ведения войны турками» им надлежит немедленно вступить переговоры с Россией. Турецкая сторона просит лишь «оказать дипломатическое содействие на предстоящем мирном конгрессе». Не надеясь на эффективную помощь извне, османы в 1772 г. согласились вести мирные переговоры, и в отсутствие австрийского содействия Османской империи русско-турецкая война завершилась Кючук-Кайнарджийским мирным договором, по которому Порта понесла серьезные потери (свою долю от которых имела и Австрия, получившая в 1775 г. Буковину под видом остатка «компенсации» по конвенции Тугута).

⁵ Так, близкий к дипломатическим и политическим кругам герцог де Брольи впоследствии писал о колебаниях Екатерины II накануне первого раздела Польши, замечая, что она «в последнюю минуту пыталась воспрепятствовать разделу, чтобы оставить себе руки свободными на Востоке» (duc de Broglie A. Le Secret du Roi. Correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatiques. 1752–1774. T. 1. Facsimile Reprint d'une édition 1879 par Calmann Lévy. Paris, Adamant Media Corporation, 2001. P. 268. См. также: Perrault G. Le Secret du Roi. Trois tomes en trois volumes. Paris: Fayard, 1992–1996. T. 1. La Passion polonaise. Paris: Fayard, 1992. 585 p.); о том же – даже учитывая характер переписки Екатерины с идейными лидерами Просвещения – свидетельствуют и слова русской императрицы, обращенные к Дидро: «Если бы я могла еще отказаться от раздела, я охотно бы это сделала» (Цит по: История СССР с древнейших времен до 1861 года. Учебн. для студентов пед. ин-тов / Павленко Н.И., Кобрин В.Б., Федоров В.А.; Под ред. Н.И. Павленко. М.: Просвещение, 1989. С. 340).

Действительно, хотя стратегические планы Пруссии предполагали реализацию давней мечты Бранденбургского дома объединить под своей рукой земли от Кенигсберга до Бранденбурга (а в идеале – от Везеля до Бранденбурга и от Ратибора до Кенигсберга, что обеспечивало бы Пруссии доминирование не только в германском мире, но и в Европе – рис. 2), в краткосрочной перспективе основным мотивом раздела Польши для королевства являлось получение Польской Пруссии, на территории которой традиционно проживало основное количество протестантов (и, получив эти территории, обрести союзника в противостоянии как католической Австрии, так и все еще сохраняющейся турецкой угрозе). При этом, с одной стороны, Пруссия ясно осознавала и то, что своей цели она может достичь только при условии прочного союза с Россией, и то, что у России была реальная возможность достичь своих целей самостоятельно, без союзнической помощи Берлина. С другой стороны, в условиях обострения противоречий с Польшей для России, ведущей войну с Османской империей и рассматривающей юго-западное направление как приоритетное, а союз с ближайшими германскими государствами – как необходимое условие безопасности западных границ, выбор Петербурга в пользу Гогенцоллернов оказывался очевидным. Таковым его делало и стремление России воспрепятствовать наметившемуся прусско-австрийскому консенсусу, тем более, что платформа для реализации этого плана у Российской империи существовала: отчасти подталкиваемое Польшей (активнее всего Потоцкими) опасное сближение Австрии с Францией, которая, как уже отмечалось, имела собственные интересы в регионе, вызывало опасения и у Петербурга, и у Берлина, а перспектива формирования «новой католической Лиги» Габсбургов, Бурбонов и Речи Посполитой не позволяла ни Пруссии, ни России рассчитывать на стабильные и прочные отношения с Веней. В значительной мере этими обстоятельствами и было обусловлено появле-

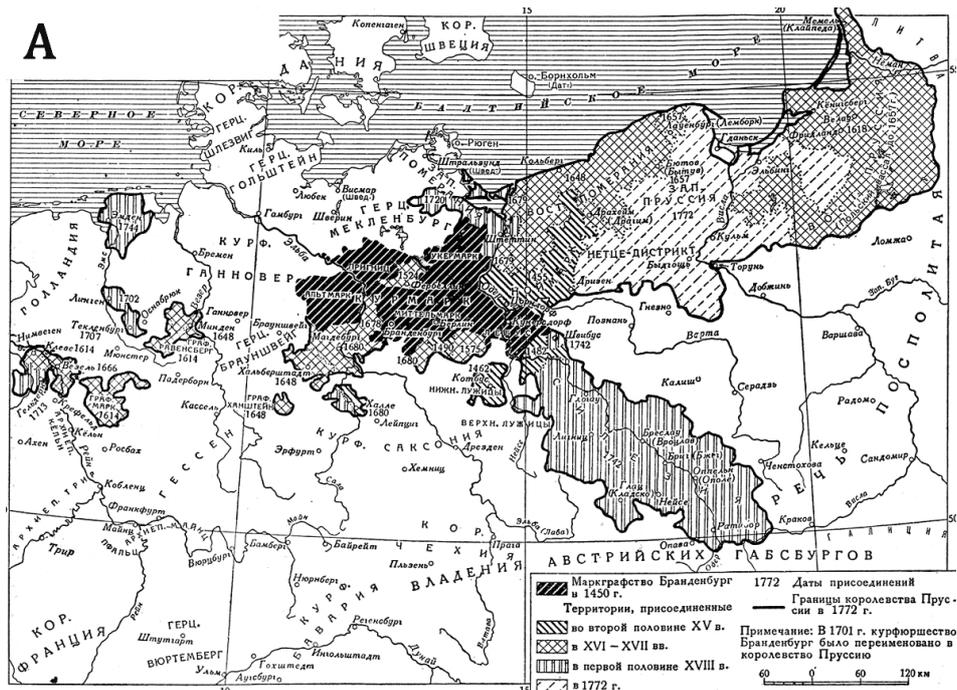

Рис. 2. «Округление» границ территориальных владений королевства Пруссии: А – территориальное расширение Бранденбурга – Пруссии с середины XV в. по третью четверть XVIII в.; Б – территория Пруссии в период ее наибольшего могущества.

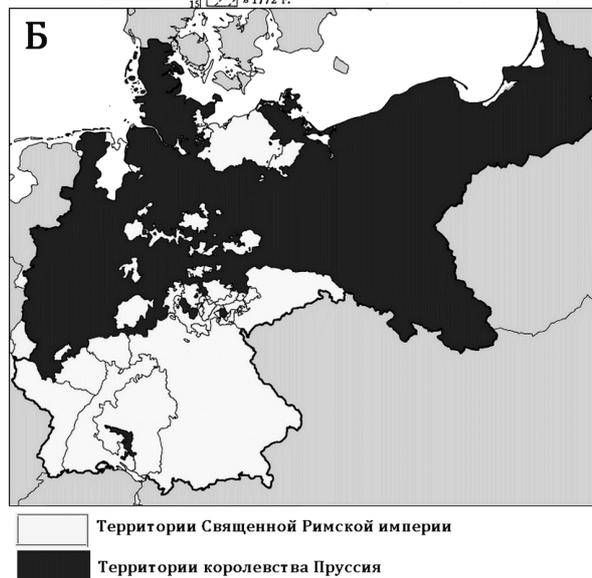
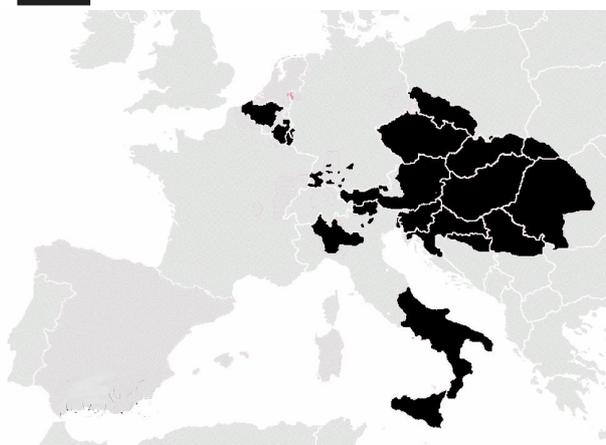

Рис. 3. Австрийская империя Габсбургов в период наибольшего могущества (в 1720 г.).

твенное сближение Австрии с Францией, которая, как уже отмечалось, имела собственные интересы в регионе, вызывало опасения и у Петербурга, и у Берлина, а перспектива формирования «новой католической Лиги» Габсбургов, Бурбонов и Речи Посполитой не позволяла ни Пруссии, ни России рассчитывать на стабильные и прочные отношения с Веней. В значительной мере этими обстоятельствами и было обусловлено появле-

ние «особенно секретной» антиавстрийской статьи в русско-прусской Петербургской конвенции 1772 г.

Интересы Австрийской монархии Габсбургов определялись как стремлением к восстановлению былого могущества, так и тем, что Вена оказалась вовлеченной в сам процесс раздела польских земель между Россией и Пруссией, когда вопрос о начале действий по присвоению этих земель уже был решен Петербургом и Берлином: оформление русско-прусских договоров по польскому вопросу оставляло Австрию «по другую сторону» как традиционно католическое государство. При этом сколь бы ни был важен для Вены польский вопрос, еще важнее было не допустить усиления позиций Российской империи за счет Турции. Россия же если и могла самостоятельно решить «польский вопрос», свой главный, «турецкий вопрос» без участия Австрии решить была не в состоянии, перспектива же франко-австрийского (тем более франко-австрийско-польского) альянса означала для Петербурга риск сведения к нулю всех завоеваний на юго-западном направлении.

Такая расстановка сил и обусловила содержание Конвенций о первом разделе Польши между Пруссией, Австрией и Россией, подписанных представителями трех монархов в Санкт-Петербурге в начале 1772 г. При этом текст Конвенций свидетельствует, что не только западная, но екатерининская дипломатия увязывала вместе в качестве ключевых турецкий и польский вопросы¹, однако содержащееся в ст. IV российско-австрийской Конвенции утверждение о том, что русско-турецкая война ведется «единственно из-за дел польских», едва ли можно считать отражающим истинные цели Российской империи: именно традиционная для России подчиненность польского вопроса восточному формировавала все ее территориальные интересы.

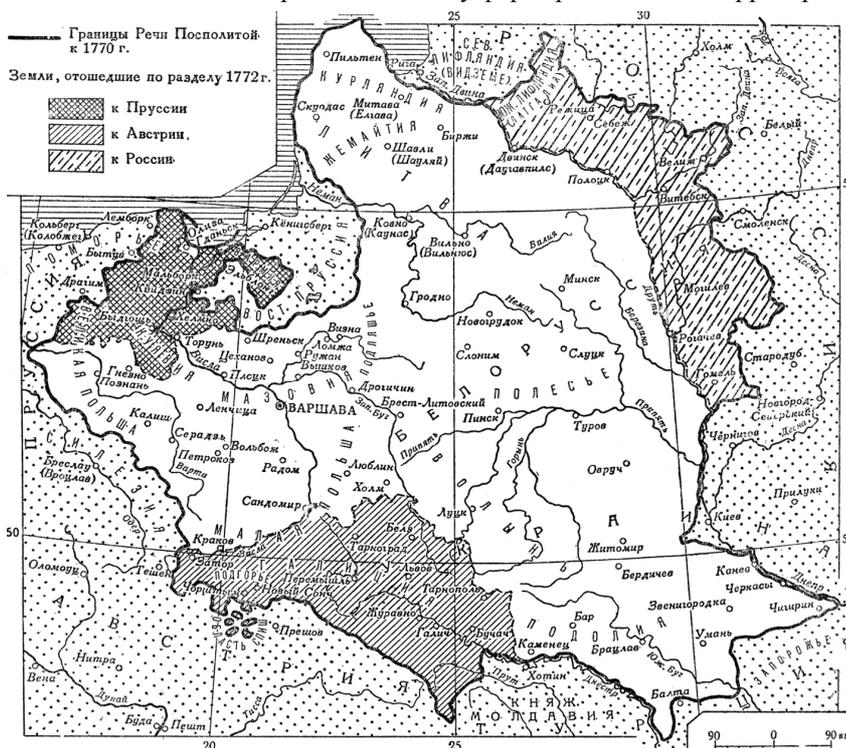

Рис. 4. Первый раздел Речи Посполитой.

площадью 92 тыс. кв. км с населением 1 млн. 300 тыс. чел. Прусские приобретения составили 36 тыс. кв. км и 580 тыс. чел.², австрийские – 83 тыс. кв. км и 2 млн. 600 тыс. чел. Заняв территории, союзные державы потребовали ратификации своих действий со стороны короля и сейма, который Понятовский должен был собрать для утверждения акта раздела и нового устройства Речи Посполитой. Сейм, собранный в том же 1772 г. и продолжавший работу до 1775 г., создал Комиссию Национального Образования, реорганизовал и сократил армию до 30 тыс. солдат, провел административную, финансовую и налоговую реформы, оставив, однако, в неприкосновенности принцип «либерум вето» в соответствии с заключенным ранее трехсторонним российско-прусско-австрийским секретным соглашением о сохранении неизменности законов Речи Посполитой.

Последнее, однако, не могло не сказаться негативным образом на возможности включения как польских территорий в административно-политические системы Пруссии, Австрии и России (даже с учетом опыта имперского строительства двух последних, удерживающих в своем составе весьма разнородные в административно- и политико-правовом отношении территории), так и – особенно – на интеграцию специфического польского общества в со-

Той же российско-австрийской Конвенцией оформляется посредническая роль Австрии, которая, как утверждает документ, будет «искренно содействовать к достижению желаемого успеха в переговорах на конгрессе», и это, по видимому, было едва ли не главным достижением русской дипломатии в отношениях Петербурга и Вены по поводу «восточного вопроса».

Статьи Конвенций весьма четко и однозначно определяли новые границы трех государств – участниц раздела (рис. 4): к Австрии отходила Галиция, к Пруссии – Западная Пруссия, к России – часть Белоруссии (Гомель, Могилев, Витебск, Двинск) и часть Прибалтики (Ливония, Задвинское герцогство). В начале августа, до ратификации Конвенции (последовавшей 22 октября 1772 г.), австрийские, российские и прусские войска одновременно вошли на территорию Речи Посполитой и заняли области, распределенные между ними по соглашению. Под власть российской короны перешла территория

¹ Эта увязка впоследствии вызовет прямо противоположное отношение к разделу Польши у двух крупнейших русских историков – С.М. Соловьева (рассматривавшего процесс распада Польши как закономерный и позитивно оценивавшего политику Екатерины II как национально ориентированную) и В.О. Ключевского (критиковавшего русскую дипломатию за увязывание двух «разнородных», с его точки зрения, вопросов – экономического, каковым он считал присоединение южнорусских территорий, и носящего «национально-религиозную окраску» польского вопроса, который, как полагал Ключевский, России необходимо было решать своими силами, без «вмешательства со стороны и отдельно от турецкого, не смешивая польские и турецкие дела» – см.: Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. V. М.: Соцэкгиз, 1937. С. 25–26).

² Захватив северо-западную Польшу, Пруссия взяла под контроль 80% оборота внешней торговли Речи Посполитой, ускорила неизбежный крах последней.

циальную ткань трех разделивших Речь Посполитую держав. В частности, Российская империя так и не смогла ассимилировать поляков (ликвидация польского государства не означало для России окончания борьбы с поляками, и за 70 лет после третьего раздела эта борьба трижды – в 1812, 1831 и 1863 гг. – принимала характер войны, не говоря о постоянных восстаниях, подавление которых требовало напряжения государственного бюджета и военных сил), а к приобретению вместе с польскими землями проживающего на них многочисленного еврейского населения Российской империя оказалась и вовсе не готовой (как, впрочем, и эти ее новые подданные).

В целом же первый раздел Польши породил комплекс проблем, по своей остроте сравнимых с теми, что возникали из-за Речи Посполитой в период, предшествовавший ее разделу, – таковы, прежде всего, проблемы национальных восстаний в Польше, ставших отныне неизбежными, проблемы охраны новых границ и, наконец, проблемы обреченности на проведение согласованной политики как в отношении друг друга, так и на международной арене. Существенную угрозу теперь представляло и стремительно нараставшее разгосударствление Речи Посполитой, поставленной двумя своими ведущими партиями на грань гражданской войны, и очевидное влияние на Польшу идей Французской революции, воплощенных в майской Конституции 1790 г.

Для трех держав, единожды вступивших на путь ликвидации «геополитического вакуума» и установления баланса сил путем раздела наиболее слабого элемента системы международных отношений, не оказалось иного пути, кроме все более полного включения данных территорий в свой состав на условиях прямого владения, а не политического влияния. Такое владение даже с учетом возникновения общих границ трех мощных геополитических центров сил казалось тогда более выгодным для каждого из них, нежели сохранение слабоуправляемой буферной зоны (хотя именно исчезновение последней делало столь мучительным согласие Екатерины II на раздел, и именно в создании такой геополитической конструкции уходят корни Первой мировой войны, ставшей неизбежной с третьим разделом Польши). Немаловажным фактором, ускорившим последующие разделы Речи Посполитой, явилась Французская революция, и с этой точки зрения оба раздела стали платформой будущей антифранцузской коалиции – основанием ее возникновения (второй раздел) и гарантией сохранения (третий раздел).

В свою очередь, для Польши окончательный раздел, предотвративший братоубийственную гражданскую войну, знаменовал окончательное оформление идеи национального единства. Поскольку же в «геополитической системе координат» такая идея всегда имеет форму вектора, острие которого направленно одновременно и «в сторону» (чего-либо, т.е. в сторону реализации определенных территориальных национальных проектов), и «против» (кого-либо, т.е. против главного геополитического конкурента, он же, как правило, виновник национального унижения), характер польской национальной идеи вырисовывался вполне однозначно и предсказуемо. Так, поскольку раздел пережила нация, историческая память которой хранила многовековой опыт государственности, в том числе и опыт весьма успешный, территориальный аспект национальной идеи (и направление будущего геостратегического вектора свободной Польши XX и XXI вв.) должен был формулироваться – и формулируется поныне – исключительно в терминах империи (знаменитое «от можа до можа»). По той же причине именно Россия – единственное государство, не только не утратившее под ударами наполеоновской Франции свои польские владения (как это произошло с Австрией и Пруссией), но и включившее в свой состав после разгрома Наполеона созданное им герцогство Варшавское, – неизбежно должна была оказаться (и остается по сей день) и «инициатором» разделов, и вообще «главной виновницей» всех польских бед.

Раздел и присоединение Польши (и тема как таковой «вины России в исторической судьбе польского народа») – равно как и вся активная российская внешняя политика со времен Петра I – служили и служат до сих пор одним из главных аргументов и в утверждении образа России как государства-агрессора¹ (начиная с так называемого «Завещания Петра Великого», «всплывшего» во Франции в 1812 г., накануне русского похода Наполеона²), и в принятии конкретных политических решений (как, например, в отношении советских военнопленных советско-польской войны 1920–1921 гг.) и в выборе политического курса (постсоветской Польшей).

В целом же история первого (и последующих) разделов Речи Посполитой представляется ярким уроком и чрезвычайно высокой устойчивости «геополитических ландшафтов», и известной наивности современных представлений о «деидеологизированности» Вестфальской системы (поскольку религиозно-идеологический антагонизм в рамках любой системы международных отношений выступает мощным фактором целерациональных политических действий и взаимодействий), и, что представляется нам весьма существенным, уроком

¹ Весьма характерным в этом отношении является мнение идеологического оппонента Екатерины II известного англофила С.Р. Воронцова, считавшего разделы Польши противными идее справедливости и возмущающими общественное мнение Западной Европы.

² «Завещание Петра Великого» (фр. Le Testament de Pierre le Grand) – политически тенденциозная фальсификация (признанная таковой не только отечественными, но и западными исследователями), опубликованная весной 1812 г. на французском языке (в книге Лезюра «О возрастании русского могущества с самого его начала и до XIX столетия») и представлявшая собой, по утверждению публикаторов, стратегический план действий для преемников Петра I на многие века в целях установления мирового господства России. «Завещание» предписывает преемникам Петра вести непрерывные военные действия, путем войн и дипломатических интриг подчинить себе всю Европу, разделить Польшу, нейтрализовать Турцию и завоевать Индию, добившись, таким образом, полной евразийской гегемонии. Часть «заветов» Петра к моменту появления фальсификации уже «осуществились» (династические союзы с немецкими государствами, расширение выхода к Черному морю, Польши), что придавало убедительность остальным «планам». «Обнаружение» «Завещания» связывали с именем знаменитого французского авантюриста шевалье д'Эона, якобы нашедшего документ в секретных архивах Елизаветы Петровны в 1757 г.; чаще всего составление «Завещания» приписывали лично Наполеону I, который существенно переработал первоначальный текст, составленный польским эмигрантом Михаилом Сокольниковым в 1797 г.; по другой версии, «Завещание» действительно составлено 1757 г. французским посланником в России Шетарди или самим шевалье д'Эоном (см.: Павленко Н. Три так называемых завещания Петра I // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 142–143; Данилова Е. Н. «Завещание» Петра Великого // Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России: Сб. ст. / АН СССР, Ин-т истории СССР; Отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1986. С. 213–279; Clifford J.G. President Truman and Peter the Great's Will // Diplomatic History. 1980. 4 (4). Pp. 371–386).

взаимобусловленности оснований внешней и внутренней политики государства – наглядным свидетельством справедливости утверждения Платона: «Чрезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства обращается не во что иное, как в чрезмерное рабство»¹.

Тынянова О.Н., кандидат политических наук, научный сотрудник Бюро военно-научной информации Военного университета Министерства обороны Российской Федерации, ведущий инженер Института физики Земли им. О.Ю. Шмидта РАН, ucg.ltd@list.ru

Калашников И.А., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, заместитель декана деканата по работе с иностранными обучающимися Первого Московского государственного медицинского университета им. И.М. Сеченова, ia_kalashnikov@inbox.ru

ЛИТЕРАТУРА

1. АВПРИ. Ф. 1. 1725–1802 гг. Оп. 8/1; Ф. 3. Оп. 1, 6, 7; Ф. 32. Оп. 32/6; Ф. 74. Оп. 74/6; Ф. 89. Оп. 89/8. AVPRI. F. 1. 1725–1802 gg. Op. 8/1; F. 3. Op. 1, 6, 7; F. 32. Op. 32/6; F. 74. Op. 74/6; F. 89. Op. 89/8.
2. Герасимова Г.И. «Северный аккорд» графа Панина: Проект и реальность // Российская дипломатия в портретах. М.: Международные отношения, 1992. С. 65–78.
Gerasimova G.I. (1992). «Severnyi akkord» grafa Panina: Proekt i real'nost'. In: Rossiiskaya diplomatiya v portretakh. Mezhdunarodnye otnosheniya, Moskva. Pp. 65–78.
3. Данилова Е.Н. «Завещание» Петра Великого // Проблемы методологии и источниковедения истории внешней политики России: Сб. ст. / АН СССР, Ин-т истории СССР; отв. ред. А.Л. Нарочницкий. М.: Наука, 1986. 286 с.
Danilova E.N. (1986). «Zaveshchanie» Petra Velikogo. Problemy metodologii i istochnikovedeniya istorii vneshnei politiki Rossii: Sb. statei. AN SSSR, In-t istorii SSSR; otv. red. A.L. Narochnitskii. Nauka, Moskva. 286 p.
4. История России с начала XVIII до конца XIX века / Л.В. Милов, П.Н. Зырянов, А.Н. Боханов; отв. ред. А.Н. Сахаров. М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1996. 544 с.
Istoriya Rossii s nachala XVIII do kontsa XIX veka. L.V. Milov, P.N. Zyryanov, A.N. Bokhanov; otv. red. A.N. Sakharov. ООО «Firma «Izdatel'stvo AST», Moskva. 1996. 544 p.
5. История СССР с древнейших времен до 1861 года: Учебник для студентов пед. ин-тов / Павленко Н.И., Кобрин В.Б., Федоров В.А.; под ред. Н.И. Павленко. М.: Просвещение, 1989. 559 с.
Istoriya SSSR s drevneishikh vremen do 1861 goda: Uchebnik dlya studentov ped. in-tov. Pavlenko N.I., Kobrin V.B., Fedorov V.A.; pod red. N.I. Pavlenko. Prosveshchenie, Moskva. 1989. 559 p.
6. Ключевский В.О. Курс русской истории. Ч. V. М.: Соцэкгиз, 1937. 408 с.
Klyuchevskii V.O. (1937). Kurs russkoi istorii. Ch. V. Sotsekgiz, Moskva. 408 p.
7. Носов Б.В. Польский вопрос в отношениях Петербурга с державами «фамильного пакта» и Турцией в 1764–1766 гг. // Славянские народы: общность истории и культуры. К 70-летию члена-корреспондента Российской академии наук Владимира Константиновича Волкова. М.: Индрик, 2000. С. 100–140.
Nosov B.V. (2000). Pol'skii vopros v otnosheniyakh Peterburga s derzhavami «famil'nogo pakta» i Turtsiei v 1764–1766 gg. In: Slavyanskii narody: obshchnost' istorii i kultury. K 70-letiyu chlena-korrespondenta Rossiiskoi akademii nauk Vladimira Konstantinovicha Volkova. Indrik, Moskva. Pp. 100–140.
8. Носов Б.В. Польша и Европа в XVIII веке. Международные и внутренние факторы разделов Речи Посполитой. М.: Ин-т славяноведения РАН, 1999. 228 с.
Nosov B.V. (1999). Pol'sha i Evropa v XVIII veke. Mezhdunarodnye i vnutrennie faktory razdelov Rechi Pospolitoi. In-t slavyanovedeniya RAN, Moskva. 228 p.
9. Павленко Н. Три так называемых завещания Петра I // Вопросы истории. 1979. № 2. С. 142–143.
Pavlenko N. (1979). Tri tak nazyvaemykh zaveshchaniya Petra I. Voprosy istorii. N 2. Pp. 142–143.
10. Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: В 3 т. (в 4 кн.) (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1968–1973. Т. 3. Ч. 1. 1971. 687 с.
Platon. (1971). Gosudarstvo. In: Platon. (1968–1973). Sbranie sochinenii: V 3 t. (v 4 kn.) (Seriya «Filosofskoe nasledie»). Mysl', Moskva. T. 3. Ch. 1. 687 p.
11. Протопопов А.С., Козьменко В.М., Елманова Н.С. История международных отношений и внешней политики России (1648–2000): Учебник для вузов / Под ред. А.С. Протопопова. М.: Аспект Пресс, 2001. 344 с.
Protopopov A.S., Koz'menko V.M., Elmanova N.S. (2001). Istoriya mezhdunarodnykh otnoshenii i vneshnei politiki Rossii (1648–2000): Uchebnik dlya vuzov. Pod red. A.S. Protopopova. Aspekt Press, Moskva. 344 s.
12. Соловьев С.М. История падения Польши. Восточный вопрос. М.: АСТ: Астрель, 2003. 365 с.
Solov'ev S.M. (2003). Istoriya padeniya Pol'shi. Vostochnyi vopros. AST: Astrel', Moskva. 365 s.
13. Стегний П.В. Разделы Польши и дипломатия Екатерины II. 1772. 1793. 1795. М.: Международные отношения, 2002. 696 с.
Stegnii P.V. (2002). Razdely Pol'shi i diplomatiya Ekateriny II. 1772. 1793. 1795. Mezhdunarodnye otnosheniya, Moskva. 696 p.
14. Тугута Конвенция 1771 // Дипломатический словарь. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.libsearch.ru/blog/t/2.html>
Tuguta Konventsiya 1771. Diplomaticeskii slovar'. URL: <http://www.libsearch.ru/blog/t/2.html>
15. duc de Broglie A. Le Secret du Roi. Correspondance secrète de Louis XV avec ses agents diplomatiques. 1752–1774. T. 1. Facsimile Reprint d'une édition 1879 par Calmann Lévy. Paris, Adamant Media Corporation, 2001. 478 p.
16. Clifford J.G. President Truman and Peter the Great's Will // Diplomatic History. 1980. 4 (4). Pp. 371–386.
17. Kaplan H. The First Partition of Poland. New York – London, 1962.
18. Perrault G. Le Secret du Roi. Trois tomes en trois volumes. Paris: Fayard, 1992–1996. T. 1. La Passion polonaise. Paris: Fayard, 1992. 585 p.

¹ Платон. Государство // Платон. Собрание сочинений: В 3 т. (в 4 кн.) (Серия «Философское наследие»). М.: Мысль, 1968–1973. Т. 3. Ч. 1. 1971. 564а.